

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра отечественной филологии и русского языка как иностранного

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Семантика и функции церковнославянизмов в прозе Н.В. Гоголя
1840-х гг.

Исполнитель Волкова Екатерина Андреевна

(фамилия, имя, отчество)

Руководитель кандидат филологических наук, доцент

(ученая степень, ученое звание)

Непоклонова Елена Олеговна

(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой

(подпись)

кандидат педагогических наук

(ученая степень, ученое звание)

Виноградова Марина Владимировна

(фамилия, имя, отчество)

«25» июня 2026 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	2
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНИЗМОВ.....	8
1.1. Понятие церковнославянизма в лингвистических исследованиях: определение и признаки	8
1.2. Классификация церковнославянизмов и их функции в языке	18
1.3. Церковнославянская лексика в истории русского литературного языка	23
Выводы к 1 главе:.....	27
ГЛАВА 2. СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНИЗМОВ В ПРОЗЕ ГОГОЛЯ 1840-Х ГГ.....	30
2. 1 Корпус церковнославянизмов в текстах Гоголя: отбор и классификация.....	30
2. 2 Семантические трансформации церковнославянизмов в контексте гоголевской прозы.....	33
2. 3 Функциональные особенности церковнославянизмов.....	38
2. 4 Соотнесение языковых наблюдений с эстетическими установками Гоголя	41
Выводы ко 2 главе:.....	45
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	48
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	51

ВВЕДЕНИЕ

Историческое формирование русского литературного языка неразрывно связано с влиянием церковнославянского языка. На протяжении столетий он выполнял функцию высокого стиля и выступал ключевым источником обогащения лексики, а также оказывал воздействие на грамматические и словообразовательные модели. В XIX веке, по мере трансформации языковой ситуации, церковнославянизмы органично интегрировались в литературный язык, став эффективным средством достижения стилистической и смысловой выразительности в различных жанрах.

Особый исследовательский интерес представляет функционирование церковнославянской лексики в произведениях Н. В. Гоголя, в частности в его прозе 1840-х годов, когда религиозное начало становится одной из доминант его творчества, а также в контексте эволюции творчества писателя в целом. Несмотря на значимость данных вопросов для понимания взаимосвязи эстетических принципов писателя и отбором языковых средств в его творческой практике, семантика и функции церковнославянизмов в произведениях Н.В. Гоголя до сих пор не получили целостного и системного описания, что определяет перспективность данного направления исследования.

Актуальность исследования определяется, во-первых, недостаточным вниманием в современных лингвистических исследованиях к функциональному потенциалу церковнославянизмов в художественной прозе разных периодов истории русского литературного языка, и в частности, в произведениях Н.В. Гоголя, и, во-вторых, тем, что в существующих исследованиях функции церковнославянизмов в художественных текстах рассматриваются фрагментарно, в отрыве от эстетических установок автора. Кроме того, необходимо более четкое описание и разграничение стилистических, текстообразующих и мировоззренческих функций церковнославянизмов в художественной прозе Н.В. Гоголя на разных этапах его творчества.

Исследование функционирования церковнославянизмов в творчестве Н.В. Гоголя приобретает особую важность в контексте растущего общественного интереса к вопросам культурного наследия и национальной идентичности: понимание исторических корней языка помогает глубже осмыслить национальную культуру в целом. Анализ церковнославянских языковых элементов в художественных текстах дает возможность углубить представления о том, как формировался русский литературный язык. Сегодня, в эпоху стремительной цифровизации и глобализации, особенно ценно проследить судьбу традиционных языковых элементов на разных этапах истории русской культуры и словесного творчества и раскрыть их концептуальный и культуuroобразующий потенциал.

Церковнославянский язык по-прежнему играет заметную роль в речевой культуре нашего общества. Его элементы давно вышли за рамки исключительно религиозного употребления — они встречаются в художественных и публицистических текстах и даже в массовой коммуникации. Это приводит к постепенному переосмыслению их статуса: меняется стилистическая окраска таких единиц, трансформируются сферы их использования. Подобные процессы требуют тщательного и системного изучения.

Существующая лексикографическая практика выявляет еще одну важную проблему. В современных словарях нет единого подхода к описанию церковнославянских элементов: часто встречаются расхождения в определении их статуса, вариативность помет и трактовок. Из-за этого возникают сложности с идентификацией церковнославянизмов и пониманием их стилистических особенностей. Поэтому разработка единой системы лексикографического описания таких языковых единиц становится насущной задачей.

Кроме того, изучение церковнославянской лексики помогает лучше понять общие механизмы языковой динамики. В современном русском языке

церковнославянизмы по-разному функционируют в различных сферах общения. Чтобы зафиксировать и проанализировать эти изменения, необходим комплексный подход, учитывающий как исторические традиции, так и актуальные языковые процессы.

Проблема исследования заключается в недостаточной изученности состава и принципов функционирования церковнославянизмов в прозе Н.В. Гоголя. Несмотря на то, что внимание исследователей неоднократно привлекали религиозные мотивы, библейские образы, а также стилистическое своеобразие прозы Н.В. Гоголя, особенно периода 1840-х гг., комплексный анализ именно церковнославянского пласта лексики и фразеологии, его семантических трансформаций и разнообразных художественных функций в различных произведениях автора не становился предметом специального монографического рассмотрения. Существует разрыв между констатацией факта активного использования Гоголем церковнославянских элементов и детальным лингвостилистическим анализом этого феномена.

Научная новизна исследования заключается в системном и целостном подходе к изучению семантики и функций церковнославянизмов в прозе Н.В. Гоголя преимущественно 1840-х гг. в контексте его духовного перелома, что позволяет выявить ранее не описанные аспекты их функционирования и смысловой нагрузки.

Объект исследования – проза Н. В. Гоголя 1840-х годов, в частности поэма "Мертвые души" (первый том) и сборник "Выбранные места из переписки с друзьями".

Предмет исследования – семантические и функциональные характеристики церковнославянизмов в указанных произведениях Н.В. Гоголя.

Материал исследования составили, прежде всего, ключевые тексты писателя: поэма «Мертвые души» (1842 г.) и сборник «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847 г.). Кроме того, в поле зрения попадают другие произведения и работы этого времени, отражающие эволюцию стиля и мысли

писателя, такие как «Размышления о Божественной Литургии» и духовно-нравственные сочинения («Правило жития в мире» и др.), черновые главы второго тома «Мертвых душ» (1855 г.).

Цель работы – осуществить комплексный семантико-функциональный анализ церковнославянизмов в прозе Н.В. Гоголя 1840-х годов и раскрыть их роль в формировании идиостиля писателя и реализации его художественных и мировоззренческих задач.

Для достижения данной цели поставлены следующие **задачи**:

- Определить понятие "церковнославянизм", выделить его основные признаки и охарактеризовать существующие классификации в лингвистической науке.
- Описать и проанализировать характер взаимоотношения церковнославянской и исконно русской лексики на разных этапах истории русского литературного языка.
- Сформировать корпус церковнославянизмов на основе прозаических произведений Н.В. Гоголя 1840-х гг.
- Исследовать семантические трансформации церковнославянизмов на материале прозы Н.В. Гоголя 1840-х гг.
- Описать специфику функционирования церковнославянизмов в указанных текстах.
- Выявить трансформацию функций церковнославянизмов в прозе Н.В. Гоголя 1830-х – 1840-х гг.
- Соотнести полученные языковые наблюдения с эстетическими и духовными исканиями Н.В. Гоголя данного периода

Методологическая основа исследования носит комплексный характер и базируется на принципах историко-функционального и стилистического анализа языка художественной литературы. Ведущим является семантико-функциональный метод, позволяющий рассмотреть значение церковнославянизмов в единстве с их ролью в тексте. Также применяются:

- Сравнительно-исторический метод, важный для различения церковнославянских и исконно русских элементов, восходящий к традициям Ф.И. Буслаева.
- Метод контекстуального анализа, необходимый для определения смысловых оттенков и стилистической окраски языковой единицы в конкретном произведении.
- Элементы статистического анализа для выявления частотности и закономерностей употребления церковнославянизмов в разных жанрах (поэма, публицистика, духовная проза).

Теоретическую базу составили труды по истории русского литературного языка (В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Успенский), по стилистике и лингвопоэтике (В.В. Виноградов, В.М. Живов), по изучению функционирования церковнославянизмов в художественной литературе (И.Б. Голуб).

Теоретическая значимость работы состоит в уточнении представлений о роли церковнославянизмов в эволюции русского литературного языка XIX века, а также в углублении понимания идиостиля Н.В. Гоголя.

Практическая значимость определяется возможностью использования материалов и выводов исследования в учебном процессе: при чтении лекционных курсов по истории русского литературного языка, стилистике и лингвистическому анализу текста, а также в спецкурсах и спецсеминарах, посвященных творчеству Н.В. Гоголя. Результаты работы могут быть востребованы при подготовке комментариев к академическим изданиям сочинений Гоголя и в дальнейших филологических исследованиях его творчества.

Структура работы: работа состоит из введения, основной части, состоящей из двух глав, заключения и списка используемой литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНИЗМОВ

1.1. Понятие «церковнославянизм»: определение и признаки

Вопрос о сущности и границах понятия «церковнославянизм» является одним из ключевых в исторической лексикологии русского языка. От того, как исследователь определяет данный термин, зависит не только отбор языкового материала для анализа, но и интерпретация функциональной нагрузки этих единиц в художественном тексте. Для решения задач настоящей работы необходимо рассмотреть существующие в науке подходы к определению церковнославянизма, выделить его основные признаки и разграничить смежные понятия.

Фундаментальное значение для понимания природы церковнославянизмов имеют труды В.В. Виноградова. В исследовании «Язык Гоголя» ученый рассматривает церковнославянизмы не просто как заимствованные лексические единицы, а как элементы, образующие одну из двух структурно-идеологических основ русского национального языка наряду с народной, крестьянской речью. Виноградов подчеркивает, что церковнославянский язык для Гоголя – «язык по преимуществу поэтический, “высший язык человеческий”» [5]. С этой точки зрения, церковнославянизм понимается как лексико-фразеологический элемент профессионально-церковного языка, который вводится в литературную речь и приобретает в ней особую стилистическую маркированность – от высокой торжественности до иронического переосмысления [5].

Иной аспект проблемы раскрывает Г.О. Винокур в работе «О славянизмах в современном русском литературном языке». Ученый предлагает принципиально важное разграничение двух значений термина «славянизм» – генетического и стилистического. В генетическом смысле славянизм – это любое явление современной русской речи, имеющее церковнославянское происхождение: неполногласные слова, лексемы со

звуками «щ» и «жд» вместо ожидаемых «ч» и «ж», слова с начальным «е» вместо «о» и т.д. В стилистическом смысле славянизм – это элемент не по происхождению, а по употреблению: он сохраняет стилистическую обособленность и воспринимается как принадлежность особого, книжного или высокого стиля [6]. Винокур подчеркивает, что эти два ряда далеко не всегда совпадают: многие генетические славянизмы (например, «храбрый», «время», «сладкий») полностью ассимилировались и утратили стилистическую окраску, войдя в общий фонд русской лексики [6]. Винокур также разрабатывает классификацию славянизмов по степени их ассимиляции в русском языке. Первый разряд составляют славянизмы, русский вариант которых в настоящее время неупотребителен (например, «храбрый» при утраченном «хоробрый»). Второй разряд – славянизмы, русские варианты которых также употребительны, но разошлись по значениям, образовав разные слова (например, «страна» – «сторона», «гражданин» – «горожанин»). Третий разряд – славянизмы, не встречающиеся в общем употреблении, но известные по памятникам и используемые для целей стилизации («глад» вместо «голод», «брег» вместо «берег»). Именно третий разряд, по Винокуру, представляет собой славянизмы в собственно стилистическом смысле [6].

А.Ю. Мусорин, развивая эту традицию, подчеркивает, что далеко не все церковнославянизмы сохраняют высокую стилистическую окраску в современном языке; многие из них стали нейтральными [31]. Это наблюдение важно для понимания того, что идентификация церковнославянизма не может основываться только на его происхождении – необходимо учитывать его актуальное функционирование в тексте.

Л.Б. Карпенко в статье «Славянизмы в русском языке как отражение книжной традиции» уточняет терминологическое разграничение. Исследовательница отмечает, что термин «славянизм» является более широким и включает не только церковнославянские элементы, но и заимствования из других славянских языков [22]. Введение уточняющего термина «церковнославянизм» позволяет более точно обозначить

генетический источник таких единиц – именно церковнославянский язык, созданный деятельностью Кирилла и Мефодия и усвоенный русской книжной традицией [22].

К числу формальных признаков, позволяющих идентифицировать церковнославянизмы, традиционно относят фонетические и словообразовательные маркеры. К фонетическим признакам относятся: неполногласные сочетания «ра», «ла», «ре», «ле» (вместо русских «оро», «оло», «ере», «ело»), начальные «ра», «ла» (вместо «ро», «ло»), сочетание «жд» (вместо русского «ж»), а также звук «щ» вместо «ч». К словообразовательным – приставки «воз-», «из-», «низ-», «пре-», «пред-», «со-»; суффиксы «-ствиј-», «-ниј-», «-тиј-», «-тель», «-чий» [6][13]. Винокур подчеркивает, что эти признаки работают на разных уровнях: одни позволяют идентифицировать целые слова (например, «нрав», «враг», «освещать»), другие – только отдельные морфологические элементы (например, суффикс действительных причастий настоящего времени на «-ущ-», «-ющ-», «-ащ-», «-ящ-» восходит к церковнославянскому образцу даже в таких словах, как «телефонирующий») [6].

Старославянский (или староцерковнославянский) язык, зафиксированный в памятниках X–XI веков, базировался на македонском наречии – говоре жителей Солуни, откуда происходили Кирилл и Мефодий. Принадлежа к южнославянской группе языков (как сербский, болгарский и хорватский), он был создан в Великой Моравии (на территории современных Чехии, Словакии и части Венгрии) для западных славян – предков нынешних чехов и словаков. После крещения Руси в 988 году церковнославянский язык вошел в обиход русского народа, чей язык относится к восточнославянской группе (наряду с украинским и белорусским). В период своего возникновения язык был понятен всем славянам, поскольку различия между славянскими языками тогда были незначительны и скорее представляли собой диалекты, сохранявшие черты праславянского единства.

Как язык, основанный на южнославянских диалектах, церковнославянский обладает рядом характерных черт:

- а) неполногласие (например: град, страна, храм в отличие от русских город, сторона, хоромы);
- б) начальный гласный «е» (елень, есень вместо русских олень, осень);
- в) использование согласного «щ» там, где в восточнославянских языках – «ч» (нощь, свеща, мощь вместо ночь, свеча, мочь);
- г) сочетание жд вместо ж (между - межа);
- е) начальное «ю» (юзы – узы) и др.

Церковнославянский язык, хоть и восходил к разговорному языку Солуни, изначально сложился как книжный, искусственно созданный язык – его формировали при переводе греческих текстов. Создавая церковнославянский язык, Кирилл и Мефодий не просто переводили тексты, а выстраивали новую языковую систему. В работе над переводами святые братья активно применяли особые приемы. Они переносили структуру греческих слов и выражений в славянский язык, по частям копируя морфемы. Такой метод, известный как калькирование, особенно ярко проявился при передаче сложных терминов из греческого богослужебного языка.

Достаточно взглянуть на некоторые примеры, чтобы увидеть эту особенность: такие выражения, как «древо благосеннолиственное» (Великий акафист Пресвятой Богородице, Икос 7) или «людем пешемореходящим» (Канон празднику Сретения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Ирмос), явно следуют греческим образцам и по составу, и по построению. При этом переводчики создавали новые слова и синтаксические конструкции, творчески переосмысливая исходные формы с учетом богословского содержания. Можно выделить несколько примеров адаптирования греческого синтаксиса к славянской речи:

1. Конструкции с «двойными падежами». Такие конструкции употреблялись при глаголах, указывающих на переход лица или предмета в иное состояние. Сущность конструкций с двойной связью заключалась в том, что имя (существительное, прилагательное или причастие), раскрывавшее содержание действия, т. е. указывавшее на состояние, в которое переводится лицо или предмет, и, следовательно, связанное с глаголом, согласовывалось в падеже с существительным (или замещавшим его словом), обозначающим лицо или предмет, на который распространяется действие; таким образом, характеризуясь зависимостью от глагола, это имя одновременно связывалось и с объектом действия («первым» косвенным падежом) [49]. Наиболее распространены в старославянских текстах конструкции со «вторым винительным». Например: створѣхъ ва ловьца чловѣкомъ («Сделаю вас ловцами людей»). Здесь «ва» – «первый винительный» (местоимение), а «ловьца» – «второй винительный» (существительное в форме двойственного числа) [49].
2. Употребление связки. В предложениях с вневременным значением именное сказуемое соединялось с подлежащим без помощи связки: никто же благу тъкмо єдинъ богъ («Никто не свят, кроме Бога») [49]. В предложениях со значением собственно настоящего времени именная часть сказуемого в старославянском языке соединялась с подлежащим при помощи связки «быти» в форме настоящего времени: съ єсть наслѣдъникъ («Он наследник») [49]. В старославянских переводах евангелия связка в настоящем времени употребляется даже там, где ее нет в греческом оригинале; в этом и проявлялось стремление переводчиков подчеркнуть план собственно настоящего времени [49].
3. Появление второго отрицания. Отсутствие второго отрицания (типа никто же можетъ) – явление характерное для греческого языка. Напротив, наличие в предложении двух отрицательных частиц –

типично славянское новообразование. В связи с этим принято считать, что факты отсутствия второго отрицания – результат калькирования греческого оригинала; появление второго отрицания – это отражение в старославянских текстах живой славянской особенности, свойственной речи переводчиков [49].

Существенно, что церковнославянский изначально не предназначался для бытового общения. Его главной задачей было служить языком Священного Писания и богослужения у всех православных славян. Более того, вплоть до XVII века он оставался их единственным литературным языком, то есть основой письменной традиции и религиозной культуры. Многие привычные славянские слова в церковнославянском тексте обретали новый, духовный смысл. Кирилл и Мефодий не только создавали лексику по греческим образцам, но и переосмыслили уже существующие слова, наполняя их христианским содержанием (например, слово «мощи» от глагола «мочь» было переосмыслено от греческого слова *λείψανα* («останки»), они связали его с представлением о чудотворной силе, которая пребывает в останках святых – то есть «мощи» стали носителями Божественной мощи, энергии). Так, через язык транслировались и закреплялись ключевые религиозные идеи. Это способствовало преобразованию славянского языка и превращению разговорного языка солунских славян в литературный язык высокой духовной культуры.

Церковнославянский язык неотделим от текстов, для которых он создавался. Эти произведения выстраивались в строгую иерархию по степени сакральности:

1. Священное Писание;
2. богослужебные и литургические тексты;
3. творения Святых отцов;
4. аскетическая и проповедническая литература («слова»);
5. агиографические тексты (жития святых);

6. повествовательная литература («повести»);
7. исторические произведения (хронографы, летописи);
8. паломническая литература («хождения») и т. д.

В православных славянских странах (Сербии, Македонии, Болгарии, Древней Руси) создавалось множество переводов, которые переписывались вручную и приобретали локальные особенности («изводы»). Различия между изводами были невелики, тогда как внутри одного извода могло наблюдаться больше разночтений между жанрами (например, между гимнографией и агиографией древнерусского извода), чем между разными изводами одного жанра (например, болгарским и древнерусским).

Будучи книжным, литературным и сакральным языком, церковнославянский в разной степени сопротивлялся проникновению разговорных элементов. Наибольшую закрытость демонстрировали высшие уровни иерархии – Священное Писание и богослужебные тексты, где строго соблюдались нормы. В жанрах, находившихся ниже в иерархии, влияние разговорной речи проявлялось сильнее, чем в «высоких» сакральных текстах. А в рамках отдельных жанров – например, посланий – автор порой и сам сознательно переключался: в зависимости от темы и речевой задачи в одном тексте могли соседствовать и церковнославянский, и разговорный пласты [50]. Пример одного из таких «переходов» был описан Б. А. Успенским: В послании в Кирилло-Белозерский монастырь (1573 г.) Иван Грозный обращается к монастырской братии по-церковнославянски, но в дальнейшем переходит русский язык и чередует тот и другой язык в соответствии с меняющейся языковой установкой. Описывая, как жили монахи в Троице-Сергиевом монастыре, Иван говорит: *«А дотолє у Троицы было крепко житие, и мы се видехом: и при нашем приезде потчивают множество, а сами чювственны пребывают. А во едино время мы своима очима видели в нашъ приезд. Князь Иоанн был Кубенской у нас дворецкой. Да у нас кушание отошло приезжее, а всенощное благовестят. И он похотел тут поести да испити т за жажду, а не за прохлад. И старец Симан Шюбин и иныя с ним, не от больших (а большия*

давно отошли по келиам), и они ему о том как бы шутками молвили: "князь Иван-су, поздно, уже благовестят". Да сесь, сидячи у поставца, с конца ест, а они а другово конца отсылают. Да хватился хлебнуть испити, ано и капельки не осталось: все отнесено на погреб. Таково было у Троицы крепко, да то мирянину, а не чернцу! *А и слышах от многих, яко и таковы старцы во сея- том том месте обреталися: в приезды бояр наших и велмож, их подчиваху, а сами никакоже ни и чему касахуся, аще и вельможы их нуждаху не в подобно время, но аще и в подобно время, — и тогда мало касахуся»* (Иван Грозный, 1951. с. 175-176). Итак, когда речь идет о монастырском порядке, применяется церковнославянский язык, когда же Грозный рассказывает о своем личном впечатлении, он переходит на русский [44].

Рукописное распространение церковнославянских текстов неизбежно приводило к разночтениям и ошибкам, что снижало уровень нормированности и единства языка. Это породило потребность в централизации и унификации – так называемых «книжных справках». В истории церковнославянской книжности произошло несколько крупных процессов, направленных на стандартизацию языка [3].

Переход от диглоссии к церковнославянско-русскому двуязычию (когда оба языка могли использоваться в сходных функциях) и последующее разрушение этой билингвальной ситуации в XVIII–XIX веках привело к массовому вхождению церковнославянизмов в ткань формирующегося нового русского литературного языка. По Б. А. Успенскому, результатом этого процесса стал органический сплав двух стихий, где церковнославянские и русские элементы, образуя стилистические и семантические пары (город/град, общий/общий), создали уникальные возможности для выражения отвлеченных, обобщенных и возвышенных смыслов [44].

Исследователи не раз обращались к анализу семантики и функций старославянизмов в литературных текстах – начиная с Петровской эпохи и далее. В XVIII веке М. В. Ломоносов в «теории трёх штилей» системно описал, как старославянская лексика работает в разных стилях. Позже В. В.

Виноградов подробно разбирал функции церковнославянизмов в языке А. С. Пушкина. А в середине XX века эту линию исследований продолжила И. Б. Голуб. Анализ функций церковнославянизмов, проведенный И.Б. Голуб на материале поэзии К.Н. Батюшкова, а также их изучение в более широком контексте XIX века позволяют выделить несколько ключевых аспектов их употребления.

В литературной практике XIX века, особенно в поэзии, церковнославянизмы выполняли комплекс стилистических функций:

- Создание возвышенного, патетического или торжественного стиля. Эта функция напрямую унаследована от эпохи диглоссии. Церковнославянизмы использовались в одах, героических поэмах, философской лирике для передачи высокого настроения. Например, у Батюшкова они активизируются в лиро-эпических элегиях («Умиравший Тасс») и переводах античной литературы.
- Передача исторического и национального колорита. В стихотворениях на темы древности или национальной истории церковнославянизмы (наряду с архаизмами другого происхождения) служили средством стилизации, создания атмосферы древности.
- Обогащение поэтической речи и создание художественных образов. Многие церковнославянизмы воспринимались как традиционные «поэтизмы» (длань, десница, ланиты, уста). Поэты использовали их для метафор, сравнений, для усиления эмоциональной выразительности. Голуб отмечает, что Батюшков стремился «нагрузить высокую церковнославянскую лексику дополнительными стилистическими функциями», включая ее в сложную образную систему.
- Ирония и пародия. В сатирических произведениях (как, например, в «Видении на берегах Леты» Батюшкова) намеренное использование церковнославянизмов могло создавать комический эффект, пародируя высокий стиль или язык консерваторов-«архаистов» [13].

М. В. Ломоносов в «теории трёх штилей» подходил к церковнославянизмам прежде всего нормативно-стилистически. Для него старославянские элементы были инструментом построения «высокого» стиля: их ценность определялась не столько происхождением, сколько уместностью в заданной жанровой системе.

В. В. Виноградов существенно усложнил эту картину, совместив историко-функциональный и стилистический подходы. В своих работах о языке А.С. Пушкина он показывал, как церковнославянизмы в художественном тексте не просто «украшают» речь, а формируют образ автора, задают тональность, вступают в смысловые контрасты с разговорными и просторечными элементами. Задача В. В. Виноградова заключалась в том, чтобы проследить, как книжная лексика, попадая в новую стилистическую среду, меняет свои функции и даже семантику.

И. Б. Голуб (на материале поэзии К. Н. Батюшкова) продолжила эту линию, но сместила фокус на конкретный поэтический механизм. Она детально анализировала, как церковнославянизмы работают в стихотворной речи: участвуют в создании иронии, помогают выстраивать антитезы, решают задачи ритма и рифмы.

Произведенный анализ существующих методов показывает, что определение церковнославянизма требует комплексного подхода. Церковнославянизм – это слово, грамматическая форма или синтаксическая конструкция, имеющие церковнославянское происхождение, обладающие определенным набором формальных (фонетических, словообразовательных) признаков и функционирующие в русском литературном языке с той или иной степенью стилистической маркированности. При этом степень этой маркированности исторически изменчива и зависит от многих факторов: времени вхождения лексемы в русский язык, наличия или отсутствия русского варианта, сферы функционирования и контекстуального окружения. Для целей настоящего исследования, посвященного прозе Н.В. Гоголя 1840-х годов, особенно важен учет стилистического аспекта: именно игра с высокой

и сниженной окраской церковнославянизмов, их семантические трансформации и функциональная нагрузка составляют предмет анализа во второй главе работы.

1.2. Классификация церковнославянизмов и их функции в языке

Вопрос о классификации церковнославянизмов является одним из центральных в исторической лексикологии русского языка. От того, на каких основаниях исследователь группирует эти единицы, зависит не только характер их описания, но и понимание их функциональной нагрузки в тексте. Как показывает анализ научной литературы, единой и общепринятой классификации церковнославянизмов не существует; различные авторы предлагают основания для группировки, исходя из целей своего исследования.

Наиболее фундаментальная и часто цитируемая классификация принадлежит Г.О. Винокуру. В работе «О славянизмах в современном русском литературном языке» ученый предлагает различать славянизмы «в генетическом смысле» и «в стилистическом смысле» [6]. В первом значении это любые явления современной русской речи, имеющие церковнославянское происхождение, независимо от их актуальной стилистической окраски. Во втором – элементы, которые «сохраняют стилистическую обособленность» и воспринимаются как принадлежность книжного или высокого стиля [6]. Это разграничение имеет принципиальное значение, так как далеко не все генетические славянизмы являются стилистически маркированными.

Г.О. Винокур также разрабатывает классификацию славянизмов по степени их ассимиляции в русском языке, выделяя три разряда [6]. Первый разряд составляют славянизмы, русский вариант которых в настоящее время неупотребителен – например, слово «враг» при утраченном русском «ворог». Второй разряд – славянизмы, русские варианты которых также употребительны, но приняли разные значения, образовав разные слова: классический пример – пара «голова» – «глава». Третий разряд – славянизмы,

не встречающиеся в общем употреблении, но известные по памятникам и используемые для целей стилизации: «глас» вместо «голос», «злато» вместо «золото». Именно третий разряд, по Г.О. Винокуру, представляет собой славянизмы в собственно стилистическом смысле [6].

Также, одной из фундаментальных основ для понимания природы церковнославянизмов служит историко-функциональная концепция Б. А. Успенского. Ученый рассматривает их не как простые заимствования, а как элементы сложной языковой ситуации, последовательно менявшей свою конфигурацию на протяжении веков. Изначально, в эпоху Древней Руси (XI–XIV вв.), отношения между церковнославянским и русским языками представляли собой классическую диглоссию. Это такое состояние, при котором два языка, сосуществуя в одном обществе, выполняют строго разграниченные, дополнительные функции: церковнославянский выступает как кодифицированный, «высокий» язык культа, литературы и официальной письменности, в то время как русский используется в бытовом и деловом общении [44]. В этих условиях церковнославянизмы воспринимались не как инородные элементы, а как неотъемлемая принадлежность сакральной и возвышенной сферы. Б. А. Успенский отмечает, что диглоссия – стабильная и устойчивая система, отличающаяся четкой функциональной поляризацией.

Однако эта ситуация не оставалась неизменной. На смену диглоссии, по Б. А. Успенскому, приходит период церковнославянско-русского двуязычия, когда границы между сферами употребления двух языков начинают размываться. Наконец, в XVIII–XIX веках происходит разрушение этой билингвальной системы и органичная интеграция церковнославянизмов в формирующийся общенациональный русский литературный язык [44]. Исходя из этого, историческая классификация, предложенная Б.А. Успенским, является прежде всего функциональной и диахронической, описывающей трансформацию статуса и роли церковнославянских элементов от эпохи строгого противопоставления к эпохе синтеза.

В русле формально-лингвистического подхода церковнославянизмы традиционно классифицируют по уровню их проявления в языке и специфическим опознавательным признакам. Выделяются фонетические церковнославянизмы, отличающиеся от русских эквивалентов рядом устойчивых черт. К ним относятся: неполногласие (град – город, брег – берег); начальные ра-, ла- (равный – ровный); сочетание жд на месте русского ж (хождение – хождение); чередование щ на месте ч (освещение – свечение).

К морфологическим признакам относят специфические словообразовательные элементы, такие как приставки воз-, низ-, пред- (ср. русские вз-, с-, перед-), суффиксы -ствие, -знь, -та, а также отдельные грамматические формы (например, формы причастий).

Лексические церковнославянизмы представляют собой целые слова, заимствованные из церковнославянского, не имеющие или имеющие лишь отдаленные фонетические соответствия в русском языке (ланиты, десница, агнец, пастырь). Нужно отметить, что наличие одного из этих формальных признаков не всегда однозначно указывает на церковнославянское происхождение, так как некоторые черты могут быть архаизмами или диалектизмами, что требует осторожного и контекстуального анализа.

Особый интерес для филологического исследования представляет классификация, разработанная И. Б. Голуб в ее автореферате «Церковнославянизмы и их функции в стихотворном языке К. Н. Батюшкова». Эта типология имеет ярко выраженный семантико-стилистический характер и основывается на степени соотношения церковнославянизма с его русским соответствием. Голуб выделяет три основных разряда. К первому разряду относятся церковнославянизмы, не имеющие в литературном языке прямых русских синонимических параллелей (например, владыка, длань, брань). Они существуют в языке как уникальные номинации, часто с возвышенной или специфической семантикой [13]. Второй разряд составляют церковнославянизмы, которые со временем дифференцировались в своих значениях от исконно русских вариантов. В результате возникли так

называемые стилистические или семантические дублеты, где церковнославянский элемент тяготеет к абстрактному, обобщенному, возвышенному или терминологическому значению, а русский – к конкретному, бытовому (горящий / горячий, страна / сторона, прах / порох) [13]. Именно эта группа стала основным источником пополнения отвлеченной лексики русского языка. Третий разряд – это устаревшие церковнославянизмы, которые в живом языке XIX века были практически вытеснены своими русскими эквивалентами (например, ночь – ночь, град – город в основном значении) [13]. Голуб подчеркивает, что стилистически активными в поэтической речи ее времени могли быть преимущественно слова первого и третьего (реже второго) разрядов [13].

Функции церковнославянизмов в русском литературном языке непосредственно вытекают из их классификационных особенностей и исторического пути. Эти функции носят комплексный характер, затрагивая стилистику, семантику и общую картину мира, отраженную в языке. В исторической ретроспективе их первичной и главной функцией, унаследованной от эпохи диглоссии, было создание возвышенного, торжественного, патетического стиля. Эта функция в полной мере реализовалась в одах, героических поэмах, философской и религиозной лирике, где использование церковнославянизмов было способом обозначить высокую, сакральную или исключительно важную тематику. Как отмечает Голуб на материале поэзии Батюшкова, даже церковнославянизмы, не имеющие русских параллелей, выступали мощным стилистическим средством для передачи величия и пафоса [13].

Второй ключевой функцией является семантическое и стилистическое дифференцирование. Благодаря процессу расхождения значений, описанному Голуб для церковнославянизмов второго разряда, русский язык обогатился тончайшими смысловыми и коннотативными оппозициями. Церковнославянский элемент в паре часто приобретал значение более общее, идеальное, духовное или негативно-оценочное (ср. прелесть в значении

«обольщение, соблазн» при русском «очарование»), в то время как русский сохранял нейтральное или предметное значение [30]. Эта дифференциация стала основой для формирования пласта отвлеченной, интеллектуальной и оценочной лексики.

Третья группа функций связана с художественными задачами литературы, особенно XIX века. Здесь церковнославянизмы использовались для передачи исторического и национального колорита, создания атмосферы древности в произведениях на темы истории или античности [13]. Они выступали как традиционные поэтизмы, обогащающие образную систему и ритмико-мелодический строй стиха (уста, ланиты, чело). Более того, как показывает анализ Голуб, творческие индивидуальности стремились «нагрузить высокую церковнославянскую лексику дополнительными стилистическими функциями», интегрируя ее в сложные художественные миры [13]. Наконец, в сатирических и пародийных произведениях намеренное, часто избыточное использование церковнославянизмов могло служить инструментом иронии и гротеска, высмеивая архаичные нормы или напыщенный стиль [13].

Эволюция функций церковнославянизмов напрямую коррелирует с историческими этапами, выделенными Б.А. Успенским. В эпоху диглоссии их функция была строго специализированной и социокультурно детерминированной. В период двуязычия и особенно интеграции спектр их функций резко расширился: из маркера сакрального текста они превратились в гибкий инструмент стилистики и семантики, способный создавать и возвышенный пафос, и тонкую иронию, и историческую стилизацию, и смысловые нюансы. Исходя из этого, классификация и функции церковнославянизмов представляют собой две стороны одного явления. Формальные и семантические типы, выделяемые исследователями, предопределяют их потенциальные роли в языке, которые, в свою очередь, реализуются и трансформируются в зависимости от исторического контекста и творческой воли писателей. Так историко-функциональный подход и

детальный стилистико-семантический анализ позволяет увидеть в церковнославянизмах не просто архаичный пласт, а динамичную и жизненно важную составляющую русской литературной речи, во многом сформировавшую ее уникальное своеобразие и выразительные возможности.

1.3. Церковнославянская лексика в истории русского литературного языка

История взаимодействия церковнославянского и русского языков представляет собой сложный и многогранный процесс, который оказал существенное влияние на формирование русского литературного языка [20]. Этот путь, растянувшийся с XI по XIX век, был не простым механическим заимствованием, а глубоким взаимодействием, обусловленным специфической языковой ситуацией, которую Б.А. Успенский определяет как церковнославянско-русскую диглоссию [44]. После крещения Руси сложилась особая языковая ситуация: два языковых варианта сосуществовали в строгом разделении ролей. Русский язык использовался в повседневном общении, а церковнославянский занял совершенно другое место [44]. Он стал языком религии и богослужений, основой высокой культуры и официальной письменности: его применяли в книгах, церковных текстах и торжественных обращениях. В такой системе церковнославянские слова не казались чем-то чужим или привнесенным извне. Напротив, они воспринимались как естественная часть «высокого» стиля речи – того, что осваивали через специальное обучение и использовали в значимых, торжественных случаях. Успенский подчеркивает, что несмотря на наличие двух вариантов, они воспринимались почти как единый язык, но с четким разделением сфер применения. Такое положение дел, называемое диглоссией, оставалось устойчивым на протяжении долгого времени [44].

Перелом наступил в XVIII веке – в период становления национального русского литературного языка. Тогда церковнославянская лексика перестала

существовать как часть самостоятельного языка и постепенно влилась в русскую литературную речь, превратившись в ее важный стилистический ресурс. Теперь она работала не как отдельный языковой код, а как средство придания тексту особой выразительности и торжественности [29]. М.А. Мелихова подробно исследует этот процесс, отмечая формирование системы стилистических дублетов, где церковнославянские слова противопоставлялись русским как возвышенные – простым [29].

В этот период складываются различные подходы к использованию церковнославянской лексики в литературном языке. М.В. Ломоносов разработал теорию трех стилей, где допускал использование церковнославянских элементов в высоком и среднем стилях [44]. Н.М. Карамзин и его последователи выступали за очищение языка от церковнославянских элементов [39].

Особую роль в осмыслении места церковнославянской лексики сыграл А.С. Пушкин, который, по наблюдениям Б.А. Успенского [44], использовал церковнославянские элементы как знаки определенной культурно-идеологической позиции в конкретных произведениях.

К 1840-м годам складывается новая концепция использования церковнославянской лексики, наиболее ярко представленная в творчестве Н.В. Гоголя [39]. Писатель выдвигает идею органического синтеза церковнославянской книжности и народной речи, создавая уникальную стилистическую систему [5]. В.В. Виноградов отмечает, что церковнославянский язык становится для Гоголя не просто стилистическим приемом, а идеологическим центром его публицистической и художественной системы. Писатель намеренно создает контрастные сочетания церковнославянских и просторечных элементов, что становится мощным средством художественного воздействия [5].

Рассматривая конкретные механизмы и этапы проникновения церковнославянской лексики, необходимо обратиться к ее классификациям. И.Б. Голуб в своем исследовании языка К.Н. Батюшкова предлагает

функционально-семантическую типологию, основанную на отношении церковнославянизма к русскому соответствию [13]. Она выделяет три основных разряда. К первому относятся церковнославянизмы, не имеющие прямых русских синонимов в литературном языке (владыка, длань, брань). Эти слова существовали как уникальные номинации, часто с возвышенной семантикой. Второй, наиболее значимый для обогащения языка разряд составляют церковнославянизмы, дифференцировавшиеся в значении от своих русских параллелей. В результате образовались так называемые стилистические или семантические дублеты, где церковнославянский элемент тяготел к абстрактному, обобщенному, возвышенному или терминологическому значению, а русский – к конкретному, бытовому (горящий / горячий, страна / сторона, прах / порох) [13]. Именно эта группа стала главным источником формирования пласта отвлеченной, интеллектуальной и оценочной лексики русского языка. Третий разряд – это устаревшие церковнославянизмы, вытесненные из живого употребления русскими эквивалентами (нощь – ночь, град – город в основном значении) [13].

Эволюция функций церковнославянской лексики напрямую коррелирует с историческими этапами, описанными Б.А. Успенским. В эпоху диглоссии их функция была строго специализированной и социокультурно детерминированной – маркировать сакральное, культурное, официальное. С разрушением диглоссии и переходом к двуязычию, а затем и к интеграции, спектр функций резко расширился. В литературной практике XIX века, особенно в поэзии, церковнославянизмы стали выполнять комплекс сложных стилистических функций [13].

Первичной и исторически исходной была функция создания возвышенного, торжественного, патетического стиля, унаследованная от эпохи диглоссии. Эта функция в полной мере реализовывалась в одах, героических поэмах, философской и религиозной лирике. Как показывает И.Б. Голуб на материале текстов К.Н. Батюшкова, даже церковнославянизмы, не имеющие русских параллелей, выступали мощным средством для передачи

величия и пафоса [13]. Другой ключевой функцией стало семантическое и стилистическое дифференцирование, основанное на расхождении значений в дублетных парах. Это позволило русскому языку обогатиться тончайшими смысловыми и коннотативными оппозициями, что стало основой для выражения отвлеченных понятий и оценочных значений [35].

В художественной литературе XIX века церковнославянизмы активно использовались для передачи исторического и национального колорита, создания атмосферы древности в произведениях на темы истории или античности [13]. Они выступали как традиционные поэтизмы (уста, ланиты, чело), обогащающие образную систему и ритмико-мелодический строй речи. Характерной чертой творческого метода передовых писателей, как отмечает И.Б. Голуб, было стремление «нагрузить высокую церковнославянскую лексику дополнительными стилистическими функциями», интегрируя ее в сложные художественные миры [13]. Примечательно, что церковнославянизмы могли использоваться и для создания иронии, гротеска и пародии, особенно в сатирических произведениях, где намеренное, часто избыточное их употребление высмеивало архаичные нормы или напыщенный стиль [13].

Процесс семантико-стилистической трансформации церковнославянизмов ярко прослеживается в поэзии А.С. Пушкина, который завершил формирование новой языковой системы. Творчество писателя наглядно показало, как меняется роль церковнославянских слов: они уже не ограничивались исключительно религиозным или возвышенным смыслом. Автор смело использовал их в самых разных ситуациях – от тонких лирических признаний до ироничных замечаний. Такой подход стал ярким признаком того, что процесс интеграции церковнославянизмов в русский язык подошел к логическому завершению. Теперь эти слова перестали восприниматься как фрагменты какого-то «другого» языка и превратились в универсальный инструмент.

Если взглянуть на общую картину, то путь церковнославянской лексики в русском литературном языке выглядит как постепенный переход. Сначала было четкое разделение, так как в условиях диглоссии каждый языковой код имел строго отведенную сферу применения. Со временем это уступило место творческому объединению разных языковых пластов, а затем произошло их стилистическое «расслоение». Так одни церковнославянизмы закрепились как возвышенные, другие стали частью нейтральной лексики, третьи обрели иронический оттенок.

Разобраться в том, как и почему происходили эти изменения, помогает теория Б. А. Успенского. Она проливает свет на историко-культурные механизмы языковой эволюции. А детальные лингвостилистические исследования, в том числе работы И. Б. Голуб и других ученых, показывают, как эти процессы воплотились на практике в литературе XIX века. Церковнославянизмы, пройдя путь от маркеров сакрального текста до элементов богатой стилистической палитры, стали неотъемлемой частью русского литературного языка, во многом определив его уникальную способность к выражению как возвышенно-философских, так и тонко-нюансированных смыслов.

Выводы к 1 главе:

Проведенный в первой главе теоретический анализ позволил сформировать целостную и многоаспектную базу для последующего изучения церковнославянизмов в индивидуальном творчестве Н.В. Гоголя.

В параграфе 1.1 «Определение «церковнославянизм»: определение и признаки» мы установили, что церковнославянизмы представляют собой слова или обороты речи, заимствованные из церковнославянского языка, который в свою очередь восходит к старославянскому языку. Эти лексические единицы обладают устойчивыми формальными признаками, позволяющими их опознать: фонетическими (неполногласие, сочетания ч/щ, ж/жд, е/е, раз/роз

и рас/рос, воз/вз(о) вос/вс), морфологическими (специфические приставки воз-, из-, низ-, пред-, суффиксы -ец, -ник, глагольные окончания -еть, -ить) и лексическими (церковнославянские корни, морфемы) . Их появление в русском языке связано с христианизацией Руси в 988 году, что сделало церковнославянский язык языком богослужения, церковной и книжной письменности.

В параграфе 1.2 «Классификация церковнославянизмов и их функции в языке» мы узнали, что для понимания роли церковнославянизмов в языке недостаточно просто определить их формальные признаки – необходимо учитывать и их функционально-семантические особенности. Наиболее продуктивной в этом отношении оказалась классификация И.Б. Голуб, разделяющая церковнославянизмы на три типа: те, что не имеют русских синонимов (владыка, длань, брань); семантически дифференцированные дубликаты, где церковнославянский элемент тяготеет к абстрактному, возвышенному или терминологическому значению, а русский – к конкретному, бытовому (горящий / горячий, страна / сторона, прах / порох); и устаревшие формы, вытесненные русскими эквивалентами (нощь – ночь, град – город). Эта типология напрямую связана с функциями, которые церковнославянизмы выполняют в речи: создание возвышенного, торжественного, патетического стиля; передача поэтического обертона; семантическое обогащение языка через дифференциацию значений; а в определенных контекстах – ироническое или пародийное воздействие.

В параграфе 1.3 «Церковнославянская лексика в истории русского литературного языка» мы проследили историческую эволюцию этого языкового пласта, что оказалось ключом к пониманию его современной роли. Согласно концепции Б.А. Успенского, развитие церковнославянской лексики в русском языке прошло три основных этапа: диглоссия (XI–XIV вв.), когда церковнославянский и русский языки сосуществовали как два дополнительных кода – книжный и разговорный, воспринимаемые

коллективным сознанием как единый язык ; переходный период двуязычия, когда границы между языками начали размываться; и, наконец, интеграция (XVIII–XIX вв.), завершившаяся органическим включением церковнославянизмов в общенациональный литературный язык . На каждом этапе функции церковнославянизмов трансформировались: от строго ритуальной и сакральной они перешли к многофункциональному стилистическому инструменту, способному выражать как возвышенные, так и ироничные, исторические и поэтические смыслы.

В совокупности проведенный анализ позволяет сделать следующие итоговые выводы. Теоретическое изучение церковнославянизмов требует комплексного подхода, объединяющего историко-социолингвистическую перспективу, формально-семантическую классификацию и функционально-стилистический анализ. Церковнославянизмы предстают не как устаревший элемент, а как живой и динамичный компонент языковой системы, сыгравший решающую роль в формировании смыслового и стилистического богатства русского литературного языка. Выделенные формальные признаки и типологические разряды, а также понимание их исторической эволюции создают надежный и точный методологический инструментарий. Этот аппарат является полностью применимым и необходимым для последующего детального исследования идиостиля конкретного автора, каким является Н.В. Гоголь, позволяя перейти от общих теоретических положений к конкретному анализу их художественной реализации в текстах 1840-х годов.

ГЛАВА 2. СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНИЗМОВ В ПРОЗЕ ГОГОЛЯ 1840-Х ГГ

2.1 Корпус церковнославянизмов в текстах Гоголя: отбор и классификация

Исследование церковнославянизмов в индивидуальном творчестве Николая Васильевича Гоголя, особенно в переломный период 1840-х годов, требует в качестве первого шага точного определения границ анализируемого текстового корпуса и выработки последовательной методики выявления и систематизации языковых фактов. В фокус настоящего анализа попадают ключевые произведения, написанные или опубликованные в период с 1840 по 1849 год. Центральное место занимает поэма «Мертвые души», первый том которой увидел свет в 1842 году. Не менее важен для понимания эволюции стиля и мировоззрения писателя публицистический сборник «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847), представляющий собой уникальный синтез духовной проповеди и литературного слова. В орбиту исследования также закономерно включаются иные публицистические работы и письма этого периода, в которых интенсивно отрабатывалась новая художественно-философская система Н.В. Гоголя. Таким образом, корпус ограничен прозаическими и публицистическими текстами, что исключает поэзию и позволяет сосредоточиться на тех жанрах, где наиболее рельефно проявился идиостиль писателя в интересующее нас десятилетие.

Отбор собственно церковнославянизмов из текстов этого корпуса осуществляется на основе установленных в лингвистике формальных признаков, позволяющих отличить элементы церковнославянского происхождения от исконно русской лексики. К числу этих опознавательных черт относятся, прежде всего, фонетические особенности. Это неполногласные сочетания (град / город, брег / берег, млеко / молоко) [15], начальные ра-, ла-(равный / ровный), а также характерные чередования щ / ч,

жд / ж. Важным индикатором служат и морфологические приметы: специфические приставки (воз-, вос-, из-, низ-, пре-, пред-, чрез-, со-) и суффиксы (-тель, -ствие, -ени-, -ость), унаследованные русским языком из церковнославянского. Опираясь на эти критерии, в текстах «Мертвых душ» и «Выбранных мест из переписки с друзьями» выявляется обширный пласт лексики. К нему относятся как слова, давно освоенные литературным языком и воспринимаемые как возвышенные или книжные (владыка, святыня, благодарение, трезвость, просвещение), так и более редкие, архаичные формы (длань, ланиты, десница, чертог, агнец), которые Н.В. Гоголь сознательно вводил в текст для достижения особых стилистических эффектов [5], [7].

Для систематизации выявленного материала продуктивно обратиться к функционально-семантической классификации, восходящей к работам Г.О. Винокура и примененной И.Б. Голуб в исследовании языка К.Н. Батюшкова [13]. Согласно этой типологии, все церковнославянизмы делятся на три разряда. Анализ корпуса церковнославянизмов Н.В. Гоголя показывает, что наиболее многочисленную группу составляют слова первого разряда – церковнославянизмы, не имеющие в литературном языке точных русских синонимов (*владыка, длань, брань, святыня, агнец, пастырь*). Их значение и стилистическая окраска целиком определяются церковнославянской традицией. Второй разряд образуют слова, дифференцировавшиеся в значении со своими русскими параллелями, образовав семантические или стилистические дублеты. В текстах Н.В. Гоголя 1840-х годов к ним можно отнести такие лексемы, как *перст* (в значении символического указания, а не просто пальца), *уста* (как возвышенное обозначение рта), *чадо* (с оттенком значения «духовного сыновства»), *плоть* (в противопоставлении *духу*) [13]. Третий разряд – устаревшие церковнославянизмы, вытесненные из живого употребления русскими эквивалентами (например, *нощь*), – в зрелых текстах Н.В. Гоголя 1840-х годов встречается крайне редко, что свидетельствует о его избирательном отношении к архаике.

Однако простое выделение и классификация по формальным признакам было бы недостаточным. Сущность гоголевского стиля раскрывается в том, как эти языковые единицы функционируют в конкретном художественном или публицистическом контексте. В «Мертвых душах» церковнославянизмы часто становятся инструментом создания лирических отступлений, пронизанных патетикой и философским размышлением. Они маркируют переход от бытового, сатирического плана к высшему, провиденциальному смыслу изображаемого [5]. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» их роль становится фундаментальной: здесь церковнославянизмы формируют основу особого проповеднического стиля, служат для передачи библейских образов и понятий, цитирования или аллюзий на тексты Священного Писания и богослужения [40], [41]. Например, использование слов *промышление* (*Промысл Божий*), *взыскую*, *воспаряя* непосредственно связывает авторскую речь с языком церковной литературы [40]. При этом Н.В. Гоголь мастерски избегает механического заимствования, осуществляя творческий синтез: церковнославянская лексика естественно сплавляется с интонациями живой речи, народной мудростью, выраженной в пословицах, и элементами канцелярского стиля, создавая ту уникальную «смесь», которую отмечали современники и исследователи его языка («О главном только позаботься, прочее всё приползёт само собою. Христос недаром сказал: „сия вся вам приложатся“» Выбранные места из переписки с друзьями) [5], [41].

Корпус церковнославянизмов в текстах Н.В. Гоголя 1840-х годов представляет собой не случайный набор архаизмов, а тщательно отобранный и стилистически мотивированный пласт лексики. Его формирование подчинено решению ключевых художественных и мировоззренческих задач этого периода: преодолению чистого сатирического взгляда, поиску положительного идеала, выражению глубоких религиозно-нравственных интуиций. Отбор, основанный на четких формальных признаках, и последующая классификация по функционально-семантическому принципу

позволяют перейти от интуитивных наблюдений к системному анализу. Этот подготовленный корпус становится надежной основой для последующего детального изучения семантических трансформаций церковнославянизмов и их роли в создании сложного, полифонического идиостиля позднего Н.В. Гоголя, где высокое библейское слово призвано было озарить и преобразить картину современной писателю действительности.

2. 2 Семантические трансформации церковнославянизмов в контексте гоголевской прозы

Проведенный на предыдущем этапе отбор и классификация корпуса церковнославянизмов в ключевых текстах Н.В. Гоголя 1840-х годов создают необходимую основу для перехода к центральной аналитической задаче – исследованию семантических трансформаций этого уникального лексического пласта. Семантическая трансформация понимается здесь как процесс смыслового переосмысления, изменения стилистической окраски или функционального предназначения церковнославянской лексики в конкретном художественном контексте, отличный от ее традиционного, устоявшегося в церковно-книжной практике употребления. В прозе Н.В. Гоголя указанного периода этот процесс оказывается напрямую связанным с эволюцией его творческого метода, движением от социальной сатиры к духовной проповеди и поискам положительного идеала.

Исходной точкой для анализа семантических сдвигов является четкое понимание изначального, «эталонного» значения и стилистической ауры церковнославянизмов в их родной стихии – языке богослужения, Священного Писания и святоотеческой литературы. Так, в «Словаре трудных слов из богослужения: церковнославяно-русские паронимы» О. А. Седаковой содержится развернутый комментарий семантики церковнославянизмов на фоне их исконно-русских аналогов. Данный словарь позволяет установить, в

частности, различие в семантике церковнославянизма «умиление» на фоне русского слова «умильный», о чем свидетельствует анализ большого количества контекстов употребления этих паронимов в старославянских и древнерусских текстах [36]. Анализируя произведения Н.В. Гоголя 1840-х гг. необходимо учитывать, в частности, что лексема «владыка» в церковном употреблении обозначает прежде всего Бога или высший церковный сан, неся оттенок абсолютной власти и сакральности. «Длань» – это не просто рука, а символ божественной силы, творения или благословения. «Брань» подразумевает не бытовую ссору, а духовную битву, войну против греха. Слова «агнец» (жертвенный ягненок, символ Христа) и «пастырь» (пастух, духовный наставник) прочно вписаны в систему библейских образов. Даже у дублетных пар закреплены четкие семантико-стилистические дистинкции: «перст» тяготеет к символическому значению указания или присяги (перст Божий), «уста» – к возвышенному обозначению речи, «чадо» – к значению духовного сыновства, «плоть» – к противопоставлению духу, а «промышление» – к понятию Божественного Промысла [7].

В тексте поэмы «Мертвые души» (1842) мы наблюдаем сложную, многоплановую картину семантических трансформаций, обусловленную жанровым синкретизмом произведения, сочетающим сатирическое повествование, лирические отступления и философские размышления. В сатирических главах произведения церковнославянизмы нередко приобретают иронический оттенок. Автор намеренно помещает их в описания быта чиновников и помещиков или использует для речевой характеристики этих персонажей. Возвышенные по своей природе выражения попадают в приземленный контекст и это создает яркий контраст. Как подчеркивал В.В. Виноградов, когда такие слова попадают в повествование, они начинают работать на авторскую иронию. Формально они остаются частью торжественного стиля, при этом вскрывают пустоту и фальшь окружающего мира [5]. Получается своеобразный художественный прием, с помощью

которого Гоголь обличает пошлость, глупость и корысть используя «высокую» лексику и делает это особенно выразительно. Совсем иначе церковнославянизмы звучат в лирических отступлениях и финальных главах поэмы. Здесь они освобождаются от иронии и обретают торжественный, пророческий, наполненный глубоким смыслом стиль. Их значение не просто возвращается к традиционному, а обогащается новыми оттенками: слова начинают работать на масштабные размышления о судьбе России, о пути человека, о «живых» и «мертвых» душах. Их значение не просто восстанавливается до традиционного, но и приобретает дополнительную глубину за счет включения в размышления о судьбе России, о пути человека, о живых и мертвых душах. Слово «брань» может осмысляться уже не только как духовная борьба отдельного человека, но и как метафора исторического пути нации. В отдельных фрагментах произведений Гоголя привычные церковнославянские слова обретают новое звучание. Такие лексемы, как «перст», «уста» и «чадо», перестают быть просто архаизмами, они наполняются лиризмом и приобретают обобщенный, почти символический смысл. Благодаря этому автор выстраивает глубокие философские обобщения: через церковнославянскую лексику он затрагивает вечные темы – о смысле бытия, судьбе человека и высших законах мироздания [7], [8].

Существенно иначе эти слова работают в публицистическом сборнике «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). Если в «Мертвых душах» церковнославянизмы были лишь одним из стилистических элементов, то здесь они выходят на первый план и становятся опорой нового стиля – исповедально-проповеднического [19], [40]. Теперь их роль не в том, чтобы создавать иронию или снижать тон повествования, а в том, чтобы подчеркнуть сакральное, назидательное начало. Смысл слов раскрывается глубже и становится актуальнее в контексте духовных поисков и служения обществу.

Приведем несколько ярких примеров использования церковнославянизмов в указанной функции:

- слова «промысел», «промышление» (Промысл Божий) превращается в ключевое понятие, через которое Н.В. Гоголь раскрывает идею божественного руководства историей и жизнью каждого человека (напр; *Его слышат у нас и не поэты потому что страницы нашей истории слишком явно говорят о воле **промысла**: да образуется в России эта власть в ее полном и совершенном виде;*
*Была на то воля **промысла**, чтобы непостижимая слепота пала на глаза многих);*
- лексемы «взыскать», «воспаряя» взяты напрямую из молитв и псалмов – сохраняют свое богослужebное значение, но органично вписываются в рассуждения о современных вопросах (например: *Что помещик ты над ними не потому, чтобы тебе хотелось повелевать и быть помещиком, но потому что ты уже есть помещик, что ты родился помещиком, что **взыщет** с тебя бог, если б ты променял это звание на другое, потому что всяк должен служить богу на своем месте, а не на чужом);*
- слова, не имеющие прямых русских аналогов, – «святыня», «агнец», «пастырь» – помогают точно передать религиозные понятия и придают тексту характер духовного наставления (например, *Какой-нибудь мелкий читатель останется благодарен; но потомство плюнет на эти драгоценные строки, если в них бездушно повторено то, что уже известно, и если не дышит от них **святыня** того, что должно быть **свято**;*
И слезным безмолвным молением соединяясь с безмолвным молением пастыря, молится весь народ о всех и за вся, присоединя каждый от себя в эту минуту всех поименно им знаемых).

Исследователи обращают внимание на то, что некоторые фрагменты «Выбранных мест...» построены по образцу псалмов либо содержат скрытые цитаты из них. Это создает особую связь с богослужебной литературой – не только по смыслу, но и по ритму [40], [7].

При этом Н.В. Гоголь не копирует церковный язык буквально. Он мастерски соединяет разные стилистические пласты: возвышенные церковнославянские слова соседствуют с интонациями доверительной беседы, народными выражениями и даже элементами делового стиля [5]. Современники называли это «смесью», которая и сформировала неповторимый авторский почерк: высокое слово у Гоголя звучит не отстраненно, а актуально, оно обращено к читателю и призвано быть понятным в условиях современной ему жизни.

Вместе с тем, можно обнаружить множество случаев использования церковнославянизмов с целью создания иронического эффекта. Так, например, в «Мертвых душах» читаем следующие строки:
*Захватило дух в груди ему. Уму непостижимо!— сказал он, приходя немного в себя. Каменеет мысль от страха. Изумляются мудрости **промысла** в рассматриванье букашки; для меня более изумительно то, что в руках смертного могут обращаться такие громадные суммы!* Таким образом, и в 1940-е гг., например, в «Мертвых душах» можно обнаружить различные функции церковнославянизмов в зависимости от художественной задачи автора. Функциональный диапазон охватывает как полюс иронического изображения, так и духовного учительства.

Также обращает внимание прием использования церковнославянизмов в сложившихся в литературе романтизма светских контекстах, например:
*И человек, когда встретит на земле в человеческом образе необыкновенное соединение красоты телесной с небесной красотой души, остается как бы прикованным к пленившему его предмету, восхваляя **святую** его красоты.*

Данный пример показывает сосуществование в эстетической деятельности Н.В. Гоголя совершенно разных принципов использования церковнославянизмов: с одной стороны, это общая тенденция иронического освещения персонажей в рамках обличительного пафоса, с В целом можно выделить два ключевых направления:

1. Трансформация через контраст. В «Мертвых душах» возвышенная лексика попадает в иронический или сатирический контекст и помогает обнажить абсурдность и бездуховность окружающего мира.
2. Трансформация через углубление смысла. В лирических отступлениях «Мертвых душ» и особенно в «Выбранных местах...» те же слова обретают новую силу: они служат для выражения глубоких философских идей, лирического пафоса и духовных наставлений.

Этот процесс отражает внутреннюю эволюцию самого писателя. От критики пороков общества и «болезни» «мертвых душ» Гоголь движется к поиску пути духовного возрождения – и слово, укорененное в христианских истинах, становится для него главным инструментом этого поиска.

Семантика церковнославянизмов у Гоголя перестает быть статичной, превращаясь в динамичный элемент художественной системы, чье значение и эмоциональный заряд целиком определяются сверхзадачей конкретного текста и общим движением мысли автора.

2. 3 Функциональные особенности церковнославянизмов.

Анализ функциональных особенностей церковнославянизмов в прозе Николая Васильевича Гоголя 1840-х годов позволяет выявить сложную, многоуровневую систему, где каждый лексический выбор подчиняется конкретным художественным и мировоззренческим задачам. Функции этого языкового пласта не статичны, а динамично трансформируются в зависимости

от жанра, контекста и общей эволюции творческого метода писателя в указанный период. В основе этого функционального разнообразия лежит осознанная установка Гоголя на синтез, на соединение «ветхого и нового», взамен хаоса, который он видел в языковой практике современников [41].

В прозе 1840-х годов, представленной прежде всего первым томом поэмы «Мертвые души» (1842), церковнославянизмы выполняют целый спектр функций, зачастую контрастных по своей эмоциональной и оценочной окраске. В собственно повествовательных, сатирических главах, посвященных описанию помещиков и чиновников, ключевой становится функция иронического или пародийного снижения. Возвышенная, сакральная по своему происхождению лексика намеренно помещается в контекст, описывающий пошлость, глупость или корысть. Как отмечал В.В. Виноградов, церковнославянизмы, усвоенные официально-торжественным стилем, «приурочиваются к норме повествовательного выражения и получают яркий отпечаток авторской иронии» [5]. Это создает эффект внутреннего противоречия, обнажая фальшь и духовную пустоту того мира, который подвергается критике. Церковнославянизмы в таких контекстах выступают как инструмент разоблачения, высвечивая пропасть между мнимым величием и подлинным ничтожеством.

Кардинально иная функциональная нагрузка ложится на церковнославянизмы в лирических отступлениях «Мертвых душ». Здесь они становятся ядром патетической и философской функции. Их задача – создание возвышенного стиля, маркировка перехода от бытового сатирического плана к размышлениям о судьбе России, о пути человека, о живых и мертвых душах. В этих фрагментах слова вроде брань, перст, уста, чадо освобождаются от иронической нагрузки и наполняются лиризмом, обобщающим, почти символическим звучанием, служа языковым каркасом для выражения вневременных, экзистенциальных и провиденциальных тем. Именно здесь

реализуется то, что сам Гоголь называл «необыкновенным лиризмом», рождающимся, по его мысли, от церковных песней и канонов.

В публицистике «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847) функциональная доминанта смещается в сторону исповедально-проповеднической функции. Церковнославянизмы перестают быть одним из стилистических пластов и становятся основой новой языковой системы, формирующей особый учительный, литургический стиль [40]. Их роль – прямое и недвусмысленное выражение религиозных понятий, духовных наставлений, обращение к библейским образам и истинам. Гоголь активно использует слова, не имеющие русских синонимов (святыня, агнец, пастырь), а также библейские цитаты, вкрапляемые в текст порой без кавычек, что подчеркивает органичность и глубину усвоения им церковного слова [41]. Например, фраза «Слово гнило да не исходит из уст ваших!», представляющая собой цитату из Послания апостола Павла, дается как часть собственной авторской речи, демонстрируя полное растворение в этой мысли и «апостольское» предназначение, которое Гоголь ощущал для своей книги [41].

Важнейшей сквозной функцией, объединяющей все тексты периода, является функция стилистического синтеза. Гоголь последовательно стремился выработать такой стиль, в котором бы сливались стихии церковнославянского и народного языка («Попрекни бабу, зачем не отваживала от зла своего мужа и не грозила ему страхом Божиим; попрекни соседей, зачем допустили, что их же брат, среди их же, зажил собакой...» Выбранные места из переписки с друзьями) [8]. Он восхищался свойством русского языка совершать «самые смелые переходы от возвышенного до простого в одной и той же речи» [39]. Эта программа ярче всего воплотилась именно в «Выбранных местах...», где писатель декларировал: язык «может, живой, как жизнь, обогащаться ежеминутно, почерпая, с одной стороны, высокие слова из языка церковно-библейского, а с другой стороны – выбирая

на выбор меткие названия из бесчисленных своих наречий» [41]. Таким образом, церковнославянизмы выполняют роль одного из полюсов в создаваемой Гоголем художественной системе, противопоставленной, с одной стороны, сухому канцеляризму, а с другой – бесформенному просторечию.

Этот синтез не был механическим. Он опирался на глубокое погружение Гоголя в святоотеческую литературу и богослужебные тексты в середине 1840-х годов [8], [9]. Выписки из творений святых отцов, сделанные им, например, зимой 1843/44 года в Ницце, стали питательной средой для его новых творческих устремлений, тянущихся нитью к «Размышлениям о Божественной Литургии», второму тому «Мертвых душ» и «Выбранным местам...» [9]. Поэтому церковнославянизмы в его прозе обретают символическую и мировоззренческую функцию, становясь проводниками ключевых для позднего Гоголя идей. В письмах 1840-х годов Гоголь нередко обращается к библейским идеям. Например, он развивает мысль из Второго послания Коринфянам (Кор.): «сила Моя в немощи совершается». Через церковнославянские слова и скрытые отсылки автор встраивает эту идею в свои размышления о том, как Божественный Промысел проявляется в человеческой слабости.

Еще один яркий образ – лестница, соединяющая небо и землю. Он восходит к труду преподобного Иоанна Синайского «Лествица» и раскрывается в текстах Гоголя с помощью возвышенной лексики, в том числе слов церковнославянского происхождения [9]. Так писатель соединяет духовные традиции с собственными размышлениями.

Эволюция роли церковнославянских слов в прозе 1840-х годов отражает внутренний путь самого Гоголя. Сначала, в «Мертвых душах», он использует их для сатирического изображения действительности: возвышенная лексика контрастирует с пороками современного ему общества и помогает высмеять

его недостатки. Здесь церковнославянизмы работают как инструмент критики через иронию и противопоставление.

Позже, в «Выбранных местах из переписки с друзьями», функция этих слов меняется. Теперь они помогают создать новую смысловую реальность, укорененную в христианской традиции. Писатель уже не столько описывает мир, сколько пытается его преобразить с помощью слова, он хочет донести до читателя духовные истины и указать путь к нравственному возрождению.

Этот переход показывает, как менялись творческие задачи Гоголя: от художественного осмысления реальности он движется к духовному наставлению. В поздних работах слово для него не просто средство описания, а инструмент преобразования, оно должно не только отражать действительность, но и менять ее, опираясь на вечные христианские ценности [1].

Итак, функциональные особенности церковнославянизмов в гоголевской прозе 1840-х годов определяются их местом в сложной иерархии языковых средств, выстроенной писателем для решения сверхзадачи всего периода. Они выступают как маркеры стилистических регистров (от сатирического до панегирического), как инструменты создания глубокого лиризма и философского обобщения, как основа для уникального творческого синтеза высокого книжного и живого народного начал и, наконец, как непосредственное выражение религиозно-нравственных исканий позднего Гоголя. Динамика их функций от «Мертвых душ» к «Выбранным местам...» является точным индикатором радикальной трансформации авторской позиции: от обличителя социальных и человеческих пороков к проповеднику, пытающемуся найти для России и каждого человека путь от «мертвости» к подлинной, духовной жизни.

2. 4 Функционирование церковнославянизмов в прозе Н.В. Гоголя в контексте эволюции его эстетических и религиозно-философских представлений.

Проведенный на предыдущих этапах лингвостилистический анализ церковнославянизмов в прозе Николая Васильевича Гоголя 1840-х годов обретает свою завершенность и глубину лишь при непосредственном соотнесении с системой эстетических и языковых установок самого писателя. Выявление функций, семантических трансформаций и классификационных принципов этого лексического пласта необходимо рассматривать не как самоцель, а как ключ к пониманию того, как теоретическая программа Гоголя-публициста и мыслителя воплощалась в конкретной языковой ткани его главных произведений указанного периода – поэмы «Мертвые души» (первый том, 1842) и публицистического сборника «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). Это соотнесение позволяет перейти от констатации фактов к осмыслению целенаправленного творческого метода, раскрывающего эволюцию авторского мировоззрения.

Центральной эстетической установкой Н.В. Гоголя середины 1840-х годов стала концепция стилистического синтеза, противопоставленная хаосу современной ему языковой практики. Писатель осознанно выдвинул «лозунг синтеза “ветхого и нового”, взамен хаоса, произращенного “романтическими смельчаками”» [39], [41]. В работах Н.В. Гоголя 1840-х гг. регулярно подчеркивается широкий диапазон стилистических возможностей русского языка, сложившийся благодаря его уникальной истории, например, в «Выбранных местах из переписки с друзьями» он отмечает:

«К образованию чтецов способствует также и язык наш, который как бы с оздан для искусного чтения, заключая в себе все оттенки звуков и самые смелые переходы от возвышенного до простого в одной и той же речи», а говоря о переводе Гомера на русский язык подчеркивает:

«Теперь перевод первейшего поэтического творения производится на языке, полнейшем и богатейшем всех европейских языков».

В программной статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» (1846), которую по праву называют его эстетическим манифестом, Гоголь сформулировал свое понимание идеального русского языка. Он писал, что язык «беспределен и может, живой, как жизнь, обогащаться ежеминутно, почерпая, с одной стороны, высокие слова из языка церковно-библейского, а с другой стороны – выбирая на выбор меткие названья из бесчисленных своих наречий» [39], [41]. Эта установка на органичное соединение двух стихий – возвышенной церковнославянской и живой народно-разговорной – являлась для Гоголя не только стилистическим принципом, но и мировоззренческой позицией, отражением его веры в особую миссию России и ее слова [7].

Принципиально важным было для Гоголя утверждение о способности русского языка совершать «самые смелые переходы от возвышенного до простого в одной и той же речи» [39]. Это свойство он считал уникальным и стремился максимально реализовать его в собственном творчестве. Таким образом, теоретическая программа Гоголя была четко ориентирована на сознательное конструирование нового литературного стиля, основанного не на разграничении, а на слиянии языковых регистров. Церковнославянский язык при этом виделся ему не архаичным балластом, а живым источником обогащения, «идеологическим центром» для выработки высокой риторики [5].

Сопоставление этой программы с языковой практикой «Мертвых душ» демонстрирует сложную, диалектическую картину. В сатирических главах поэмы наблюдается не прямое воплощение декларируемого синтеза, а его преломление через призму иронии и критики. Церковнославянизмы, призванные, по теории, служить «высоким словам», здесь зачастую используются для создания эффекта снижения и обличения. Как отмечал В.В. Виноградов, в этих контекстах церковнославянизмы, усвоенные официально-

торжественным стилем, «приурочиваются к норме повествовательного выражения и получают яркий отпечаток авторской иронии» [5]. Это не отход от программы, а ее своеобразное применение для решения конкретной художественной задачи – диагностики болезни современного общества. При этом гоголевская ирония возникает именно из противоречия между сакральным потенциалом слова и низменным контекстом его употребления, что становится инструментом разоблачения «мертвенности» изображаемого мира. Данная установка коррелирует с гротескным изображением мира в «Мертвых душах», частыми нарушениями объективных закономерностей изображаемого (можно вспомнить, например, очевидные нарушения в изображении времен года в произведении, когда Чичиков выезжает в шубе с бобровым воротником к Манилову, в усадьбе которого наблюдает цветущую сирень). В стилистическом плане этому принципу изображения «неправильного мира» соответствует использование церковнославянизмов как средства создания комического эффекта. Так, Н.В. Гоголь многократно использует церковнославянизмы для иронического снижения образов персонажей в процессе соединения высокой лексики в изображении «пошлых» или комически ситуаций. Приведем примеры из черновых редакций II тома «Мертвых душ»:

*«Засим, подошедши к столу, где была закуска, гость и хозяин выпили как следует по рюмке водки, закусили, как закусывает вся пространная Россия по городам и деревням, то есть всякими соленостями и иными возбуждающими **благодатями**, и **потекли** все в столовую; впереди их, как плавный гусь, понеслась хозяйка»;*

*«Он повалился в ноги князю, так, как был: во фраке наваринского пламени с дымом, в бархатном жилете, атласном галстуке, чудесно сшитых штанах и головной прическе, изливавшей **ток** сладкого дыхания первейшего одеколona, и ударился лбом...».* В данном примере мы видим церковнославянизм «ток» в значении «поток», «течение», характерный для церковной поэзии или таких высоких жанров, как ода или трагедия. В

сочетании с бытовой лексикой в рамках комической ситуации функции и семантика слова меняются: ироническое изображение героя и характер ситуации трансформируют семантику лексемы «ток» и сближая с такими лексемами, как «аромат», «запах» как их перифрастическим комическим аналогом. Так же и слово «благодатями» не только употребляется в ироническом освещении, но и претерпевает семантическую трансформацию, сближаясь с такими лексемами, как «удовольствие», «вкусная еда» и др. Происходит ироническое переосмысление исходной семантики церковнославянизмов.

Понимание этой функции церковнославянизмов в процессе создания иронического изображения героя позволяет выявить авторскую оценку Чичикова во II томе «Мертвых душ», который часто оценивается исследователями как попытка изобразить духовное исправление главного героя. Однако использование церковнославянизмов во II томе «Мертвых душ» продолжает создавать комический характер изображения. Сравним, например, роль церковнославянизмов в изображении «раскаяния» Чичикова:

«Вижу, чувствую, Афанасий Васильевич, что жизнь веду не такую, но нет большого отвращения от порока: огрубела натура: нет любви к добру, этой прекрасной склонности к делам богоугодным, обращающейся в натуру, в привычку. Нет такой охоты подвизаться для добра, какова есть для получения имущества. Говорю правду — что ж делать?». В окружении комических деталей (постоянное упоминание фрака «с искрой», воспоминаний о шкатулке и др.) церковнославянизм «подвизаться» предстает в ироническом освещении, контрастируя с «громким голосом», отчаяньем Чичикова, его заботами о материальных благах. Таким образом, в I и II томе «Мертвых душ», созданных во второй половине 1840-х – начале 1850-х гг. церковнославянизмы активно употребляются автором с целью создания комического эффекта.

Однако в лирических отступлениях той же поэмы намечается прямое воплощение гоголевского эстетического идеала. Здесь церковнославянизмы

освобождаются от иронической нагрузки и начинают выполнять функцию создания того самого «необыкновенного лиризма», который Гоголь связывал с влиянием церковных песней и канонов.

Приведем несколько примеров:

*«Как несметное **множество** церквей, монастырей с куполами, главами, крестами, рассыпано на святой, **благочестивой** Руси, так несметное **множество** племен, поколений, народов толпится, пестреет и мечется **по лицу земли**»;*

*«Земное великое **поприще** суждено совершить им: все равно, в мрачном ли образе, или пронестись светлым явлением, **возрадующим** мир, — одинаково вызваны они для неведомого человеком **блага**».*

В этих фрагментах осуществляется тот самый «переход» от простого к возвышенному: лексика церковнославянского происхождения формирует семантическое и интонационное ядро философских размышлений о судьбе России, формируя возвышенный, пророческий регистр речи. Исходя из этого, в рамках одного произведения происходит функциональное разделение: церковнославянизмы служат и инструментом сатирической критики (через контраст), и материалом для лирического синтеза «высокого» и «простого».

Наиболее полное и последовательное воплощение эстетической программы Гоголя наблюдается в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Если в «Мертвых душах» синтез был элементом художественной системы, то здесь он становится ее конструктивным принципом и идейным стержнем. Церковнославянский язык, по точному определению Виноградова, действительно превращается в «идеологический центр публицистической стилистики и риторики Гоголя» [5]. Теоретический тезис о необходимости «почерпать высокие слова из языка церковно-библейского» реализуется на практике: лексика, фразеология и синтаксические конструкции, восходящие к текстам Священного Писания и богослужения, формируют основу нового проповеднического стиля [19], [39]. Гоголь не просто цитирует псалмы или использует отдельные архаизмы, но строит целые пассажи, пронизанные

библейской образностью и ритмикой, делая церковное слово органичной частью своей публицистической речи [19], [7].

При этом важно отметить, что даже в этом сугубо «высоком» контексте Гоголь остается верен идее синтеза. Он стремится не к простому подражанию церковному красноречию, а к созданию «своеобразной системы идеологического взаимоосвящения церковно-книжного и бытового народного языка» [39]. Возвышенная лексика сочетается с интонациями доверительной беседы, народной мудростью, выраженной в пословицах, что предотвращает стилизацию и обеспечивает уникальную узнаваемость его идиостиля [41]. Этот синтез был подготовлен глубокой внутренней работой: изучением творений святых отцов, внимательным чтением богослужебных книг, о чем свидетельствуют его письма и духовные сочинения середины 1840-х годов [7].

Соотношение языковых наблюдений с эстетическими установками Гоголя позволяет сделать следующие выводы. В первую очередь, практика использования церковнославянизмов в прозе 1840-х годов в целом соответствует и вытекает из его теоретической программы стилистического синтеза. Отбор, семантические трансформации и функциональное распределение этих лексических элементов не были случайными, а подчинялись осознанно выдвинутой сверхзадаче – обогащению литературного языка и созданию нового, синтетического стиля, способного выразить как кризис современности, так и путь к ее преодолению [39]. Также, наблюдается эволюция в способах реализации этой программы: от диалектического сочетания иронии и патетики в «Мертвых душах» к целостному, конструктивному синтезу в «Выбранных местах...», что отражает движение авторской мысли от социальной критики к религиозно-нравственной проповеди [19]. Наконец, церковнославянизмы в гоголевской прозе выполняют не только стилистическую, но и глубоко мировоззренческую функцию, являясь языковым проводником его ключевых идей о Божественном Промысле, духовной брани и нравственном

возрождении [5]. Следовательно, анализ данного языкового пласта подтверждает тезис о принципиальной осознанности и целенаправленности художественных поисков позднего Гоголя, для которого работа со словом была неразрывно связана с решением задач духовного и национального преобразования

Выводы ко 2 главе:

Проведенное во второй главе исследование позволило системно подойти к изучению церковнославянизмов как ключевого элемента идиостиля Н.В. Гоголя в переломный период 1840-х годов. Последовательное движение от формирования корпуса и формальной классификации к анализу смысловых сдвигов, функциональных ролей и, наконец, их соотнесения с авторской эстетической программой дало возможность получить целостную и многомерную картину языковых процессов в творчестве писателя.

В параграфе, посвященном формированию корпуса и классификации, мы установили точные границы анализируемого материала. Ядро исследования составили центральные произведения десятилетия: поэма «Мертвые души» (первый том, 1842 г.) и публицистический сборник «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847 г.), дополненные иными публицистическими текстами и письмами этого времени. Были четко определены лингвистические критерии для выявления церковнославянизмов, включая фонетические (неполногласные сочетания, начальные ра-, ла-) и морфологические признаки (специфические приставки и суффиксы). На основе функционально-семантической классификации И.Б. Голуб и Г.О. Винокура весь отобранный лексический массив был разделен на три разряда: церковнославянизмы, не имеющие русских синонимов (например, владыка, длань, святыня); семантические дублеты с дифференцированным значением (перст, уста, чадо); и устаревшие формы, практически не представленные в зрелых текстах Гоголя. Это позволило перейти от интуитивного выделения «высокой» лексики к строгому и воспроизводимому анализу.

Анализ семантических трансформаций показал, что значение церковнославянизмов в текстах Гоголя не является статичным, а динамично переосмысливается в зависимости от художественного контекста. Было выявлено два основных вектора трансформации. В сатирических главах «Мертвых душ» возвышенная лексика часто подвергается ироническому снижению, помещаясь в контекст, описывающий пошлость и духовную пустоту, что создает мощный обличительный эффект. В лирических отступлениях «Мертвых душ», а особенно в сборнике «Выбранные места из переписки с друзьями», роль церковнославянских слов меняется на противоположную: их сакральный смысл не размывается, а, напротив, становится глубже и ярче. В поэме такие слова помогают создать возвышенный, почти пророческий тон, а в публицистике превращаются в опору для проповеднического стиля. Благодаря им речь автора напрямую перекликается с библейскими текстами и богослужебными традициями.

Анализ того, как именно Гоголь использует церковнославянизмы, показывает: эти слова работают не случайно, а служат четким целям – и художественным, и мировоззренческим. В произведениях 1840-х годов они выполняют самые разные функции:

- помогают иронично высмеять пороки общества;
- создают философско-лирическое настроение;
- становятся основой для исповедально-наставительного стиля.

Но самая важная особенность – это умение автора соединять разные языковые пласты. Гоголь сознательно сплетает церковнославянскую лексику с живой народной речью, пословицами, а порой и с канцелярскими оборотами. Этот прием наглядно отражает эволюцию его стиля:

- в «Мертвых душах» такое смешение неоднородно – высокое слово одновременно и обличает недостатки, и прорывается к лиризму, создавая сложный, противоречивый эффект;

- в «Выбранных местах...» синтез становится более цельным: он нацелен на духовное наставление, на прямое обращение к читателю с нравственным посланием.

Сопоставление языковых особенностей текстов с эстетическими взглядами Гоголя подтверждает: писатель осознанно и целенаправленно работал со словом. Его практика использования церковнославянизмов напрямую связана с теоретической программой, которую он изложил в статье «В чем же наконец существо русской поэзии...». Там Гоголь говорил о необходимости соединить «высокие слова» церковно-библейского языка с меткими выражениями народной речи, чтобы создать живой, богатый и выразительный литературный стиль.

Исследование показало: эта идея не осталась просто декларацией. Она последовательно воплощалась в творчестве писателя: сначала – в форме сатирико-философского синтеза в «Мертвых душах», а затем – в виде проповеднического синтеза в «Выбранных местах...».

Исходя из этого, церковнославянские слова у позднего Гоголя не просто украшение речи. Они становятся проводником его ключевых идей: о Божественном Промысле, духовной борьбе и возможности нравственного возрождения человека.

В итоге, проведенный анализ позволяет утверждать, что церковнославянизмы в прозе Гоголя 1840-х годов представляют собой тщательно отобранный и функционально организованный пласт лексики, чье использование подчинено решению основных творческих задач периода. Их семантика и функции напрямую отражают эволюцию авторской позиции – от диагноста социальных и духовных болезней современности к проповеднику, ищущему путь к ее исцелению через слово, укорененное в вечных ценностях христианской традиции. Это подтверждает тезис о глубокой взаимосвязи между языковыми поисками и мировоззренческой трансформацией писателя в последнее десятилетие его творческой деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование было направлено на устранение выявленного в научной литературе пробела – недостаточной изученности целостной картины функционирования церковнославянизмов в прозе Н.В. Гоголя переломного 1840-х годов. Поставленная цель – осуществить комплексный семантико-функциональный анализ этого лексического пласта, раскрывая его роль в формировании идиостиля писателя и реализации его художественных и мировоззренческих задач, – была достигнута путем последовательного и многоаспектного рассмотрения материала.

В первой, теоретической главе работы были систематизированы ключевые понятия: уточнено определение церковнославянизма как лексической или грамматической единицы, восходящей к старославянской (церковнославянской) традиции и сохраняющей в русском литературном языке стилистическую окраску возвышенности, сакральности или архаичности. Также был рассмотрен историко-литературный контекст, подтвердивший, что обращение Гоголя к этой лексике в 1840-е годы не было случайным, а стало следствием глубокой эволюции его творческих и духовных исканий, его напряженного диалога с культурой Древней Руси и православной книжностью. Это создало надежный фундамент для конкретного лингвостилистического анализа.

Практическая часть исследования, представленная во второй главе, позволила выявить и описать системный характер работы Гоголя с церковнославянским словом. На первом этапе был сформирован и классифицирован корпус церковнославянизмов по функционально-семантическому принципу, что перевело анализ из области интуитивных наблюдений в плоскость строгой работы с лингвистическим материалом. Исследования показали, что Гоголь активно использовал разные типы церковнославянских слов. С одной стороны, он обращался к таким выражениям, у которых в русском языке просто нет аналогов – например,

«владыка» или «святыня». С другой – брал слова, имеющие параллели в русском, но при этом несущие особый, часто символический смысл: скажем, «перст», «уста» или «чадо» звучат возвышенно и добавляют тексту особую глубину.

Анализ текстов писателя выявил два ключевых способа, как менялись значения церковнославянизмов – и это напрямую связано с разнообразием стилей в прозе Гоголя. В сатирических эпизодах «Мертвых душ» возвышенные слова нередко попадают в неожиданные ситуации: их помещают в описания пошлых или пустых явлений. В результате торжественная лексика начинает работать на иронию – и становится мощным средством критики. Так автор подчеркивает духовную пустоту и нелепость того, что изображает. Совсем другая картина – в лирических отступлениях поэмы и особенно в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Здесь все происходит наоборот: сакральный смысл слов не размывается, а, напротив, раскрывается полнее. Церковнославянские выражения становятся опорой для торжественного, почти пророческого тона, а в публицистике помогают выстроить стиль, близкий к проповеди. Благодаря этому мысль автора напрямую перекликается с библейскими текстами и богослужебными традициями.

Детальное изучение показало, что церковнославянская лексика у Гоголя выполняет сразу несколько задач:

- помогает высмеять недостатки общества через иронию;
- создает философско-лирическое настроение;
- служит основой для наставлений и духовных размышлений;
- выступает материалом для особого стилистического приема – соединения разных языковых пластов.

Именно этот прием Гоголь сознательно развивал в своем творчестве. В статье «В чем же наконец существо русской поэзии...» он писал о необходимости соединить «высокие слова» церковно-библейского языка с меткими выражениями народной речи. В 1840-х годах этот подход стал визитной карточкой его стиля. Церковнославянизмы у писателя не просто устаревшие обороты. Они играют роль «высокого» полюса, который то вступает в конфликт с другими языковыми слоями, то гармонично с ними сочетается. Ключевой вывод исследования – четкая связь между тем, как Гоголь использует язык, и тем, что он хочет сказать. Изменения в значении и роли церковнославянских слов точно отражают его мировоззрение: через них писатель передает свои взгляды, соединяет художественное мастерство с духовными поисками.

Динамика от иронического использования в сатире «Мертвых душ» к сакрально-проповедническому в «Выбранных местах...» отражает путь Гоголя от диагноста социальных и духовных болезней эпохи к проповеднику, пытающемуся найти путь к исцелению через слово, укорененное в христианской традиции. Таким образом, церковнославянизмы предстают не просто стилистическим приемом, а органичным элементом художественной системы, непосредственно участвующим в выражении центральных идей позднего творчества писателя о Божественном Промысле, нравственной ответственности и духовном возрождении России.

В заключение можно утверждать, что проведенный комплексный анализ позволил восполнить отмеченный пробел и представить целостную картину функционирования церковнославянизмов в прозе Гоголя 1840-х годов. Установлено, что этот лексический пласт является структурно значимым, семантически динамичным и функционально многогранным компонентом его идиостиля, чье использование было глубоко осознанным и подчиненным решению как конкретных художественных задач, так и глобальных мировоззренческих сверхзадач данного периода творчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаев А. А., Рамазанова Д. А. Семантические архаизмы в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» / А. А. Абдуллаев, Д. А. Рамазанова // Журнал «Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки». – 2013. — С. 41 –45. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskie-arhaizmy-v-poeme-n-v-gogolya-mertvye-dushi/viewer> (Дата обращения: 21.04.2026)
2. Айзикова И. А. Библейские мотивы и образы в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя / И. А. Айзикова // Журнал « Сибирский филологический журнал», 2005. С. 25 – 35. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bibleyskie-motivy-i-obrazy-v-vybrannyh-mestah-iz-perepiski-s-druzyami-n-v-gogolya/viewer> (Дата обращения: 12.06.2026)
3. Афанасьева Н. Е. Учебник церковнославянского языка / Н. Е. Афанасьева // «Новолетие» – Долгопрудный, 2023. – С. 3–5.
4. Бочаров С. Г. О стиле Гоголя / С. Г. Бочаров // Типология стилевого развития нового времени: Классический стиль. Соотношение гармонии и дисгармонии в стиле / АН СССР. Ин-т мировой лит. им А. М. Горького; Отв. ред. Я. Э. Эльсберг. – М.: Наука, 1976.
5. Виноградов В.В. Язык Гоголя/ В.В. Виноградов // Гоголь. Литературный портал. – 1936. – С. 7. [Электронный ресурс] URL: <https://gogol-lit.ru/gogol/kritika/vinogradov-yazyk-gogolya/vinogradov-yazyk-glava-7.htm> (дата обращения: 24.04.2026).
6. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур // Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР – Москва, 1959. С. 443-459.

[Электронный ресурс] URL: <https://danefae.org/lib/vinokur/1959/index.htm>
(дата обращения: 08.04.2026).

7. Воропаев В. А. Святой источник. Церковнославянский язык в творчестве Н. В. Гоголя / В. А. Воропаев // Журнал «Наследник». – 2005. – № 1. [Электронный ресурс] URL: https://naslednick.ru/archive/rubric/rubric_532.html (Дата обращения: 08.04.2026)

8. Воропаев В. А. Святоотеческое наследие в жизни и творчестве Н.В. Гоголя/ В.А. Воропаев // Русская патрология. Материалы академической конференции – Сергиев Посад: Московская Православная Духовная Академия, 2009. – 576 с. [Электронный ресурс] URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Patrologija/russkaja-patrologija-materialy-akademicheskoy-konferentsii/3#source> (Дата обращения: 23.04.2026)

9. Воропаев В.А. Гоголь и церковное слово/ В. А. Воропаев // Журнал «Литературоведческий журнал». – 2009. – С. 3-16. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gogol-i-tserkovnoe-slovo/viewer> (дата обращения: 24.04.2026).

10. Гиппиус В. Гоголь / В. Гиппиус // Гиппиус В. Гоголь; Зеньковский В. Н. В. Гоголь / Предисл., сост. Л. Аллена. – СПб: Logos, 1994. – С. 132-145 [Электронный ресурс] URL: [ФЭБ: Гиппиус. Гоголь. – 1994 \(текст\)](#) (Дата обращения: 04.05.2026)

11. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений в одном томе / Н. В. Гоголь // Москва: Изд.-во АСТ, 2021. – С. 328–491. [Электронный ресурс] URL: <https://avidreaders.ru/read-book/polnoe-sobranie-sochineniy-v-odnom-tome-2.html?p=328#h206> (Дата обращения: 02.04. 2026)

12. Гоголь: История и современность: (К 175-летию со дня рождения) / Сост. В. В. Кожин и др.; Вступ. ст. В. В. Кожина. – М.: Сов. Россия, 1985 – 496 с.

13. Голуб И. Б. «Церковнославянизмы и их функции в стихотворном языке К. Н. Батюшкова» / И. Б. Голуб // Киевский

государственный университет им. Т.Г. Шевченко. Кафедра русского языка – 1959. – С. 3-21. [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/doc5516896_692823004?hash=qzOkyt9bwkyx9cS231LeymjPVbMVoVjr6hhGyOgPKqg&dl=0Uw9jwILUJqF2zuLbnQCxdLyjkMzoNsnrKhoG7xj5wT&from_module=vkmsg_desktop (дата обращения: 16.04.2026).

14. Григорьева Т. М., Кудрявцева Е. А. Церковнославянский язык в контексте русской культуры / Т. М. Григорьева, Е. А. Кудрявцева // Журнал «Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева», 2018. – С. 158 – 163. [Электронный ресурс] URL: <https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fcyberleninka.ru%2Farticle%2F%2Ftserkovnoslavyanskiy-yazyk-v-kontekste-russkoy-kultury%2Fviewer&utf=1> (Дата обращения: 17.05.2026)

15. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль [Электронный ресурс] URL: <https://v-dal.ru/> (Дата обращения: 13.06.2026)

16. Дворцов В. В. Возвращение церковнославянского языка в бытие нации / В. В. Дворцов // Журнал Института Наследия. – 2018. – № 13. [Электронный ресурс] URL: <https://nasledie-journal.ru/ru/journals/216.html> (дата обращения: 19.04.2026).

17. Добрушина Е. Р., Поляков Е.А. Корпус церковнославянского языка: возможности, методы создания, перспективы / Е. Р. Добрушина, Е. А. Поляков // Журнал « Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета», 2013. – С. 32 – 42. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korpus-tserkovnoslavyanskogo-yazyka-vozmozhnosti-metody-sozdaniya-perspektivy/viewer> (Дата обращения: 19.04.2026)

18. Живов В. М. Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков / В. М. Живов // Актуальные проблемы

славянского языкознания: [Сборник статей] / МГУ им. М.В. Ломоносова, Филол. Фак.; Под. Ред. К. В. Горшковой, Г. А. Хабургаева. – Москва: Изд-во МГУ, 1988. – С. 49-98. [Электронный ресурс] URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Viktor-Zhivov/rol-russkogo-tserkovnoslavjanskogo-v-istorii-slavjanskih-literaturnyh-jazykov/> (Дата обращения: 12.04.2026)

19. Жиркова М. А. Исповедально-проповедническое начало «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя/ М. А. Жиркова // Журнал «Царскосельские чтения». – 2015. – С. 253-257. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispovedalno-propovednicheskoe-nachalo-vybrannyh-mest-iz-perepiski-s-druzyami-n-v-gogolya/viewer> (дата обращения: 24.04.2026).

20. Зеньковский В. В. Н. В. Гоголь / В. В. Зеньковский // Париж: YMCA-Press, 1961. С. 35-51.

21. Кайперт Г. Церковнославянский язык: круг понятий / Г. Кайперт // Slovene. 2017. № 1. С. 8–75. [Электронный ресурс] URL: https://slovene.ru/2017_1_Keipert.pdf (Дата обращения: 16.04.2026)

22. Карпенко Л. Б. Славянизмы в русском языке как отражение книжной традиции / Л. Б. Карпенко // Журнал «Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология», 2016 С. 224–229. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slavyanizmy-v-russkom-yazyke-kak-otrazhenie-knizhnoy-traditsii/viewer> (Дата обращения: 03.06.2026)

23. Кравецкий А. Г., Плетнева А.А. История церковнославянского языка в России (конец XIX - XX в.) / А.Г. Кравецкий, А. А. Плетнева. - Москва: Яз. рус. культуры, 2001. [Электронный ресурс] URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr-Kraveckij/istorija-tserkovnoslavjanskogo-jazyka-v-rossii-konets-xix-nachalo-xx-v/2> (Дата обращения: 12.04.2026)

24. Литвинцева К. В. Церковнославянизм как лексикографическая помета / К. В. Литвинцева // Журнал «Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология», 2016. С. 26 – 41. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tserkovnoslavyanizm-kak-leksikograficheskaya-pometa/viewer> (Дата обращения: 27.05.2026)
25. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме / Ю. В. Манн – М.: «Coda», 1996. С. 242-340.
26. Маркович В. М. О Гоголе: Работы разных лет / В. М. Маркович // Под ред. Е. Н. Григорьевой. СПб: Росток, 2026. – 328 с.
27. Маршева Л. И. Праславянский, церковнославянский, русский... / Л. И. Маршева // Православие.Ru, 2001. [Электронный ресурс] URL: <https://www.pravoslavie.ru/5864.html> (Дата обращения: 17.04.2026)
28. Машинский С. И. Художественный мир Гоголя: Пособие для учителей / С. И. Машинский // 2-е изд. – М.: Просвещение, 1979. С. 322-365 [Электронный ресурс] URL: [ФЭБ: Машинский. Художественный мир Гоголя. – 1979 \(текст\)](#) (дата обращения: 07.05.2026)
29. Мелихова М. А. Соотношение церковнославянской и русской лексики в русском литературном языке национального периода / М. А. Мелихова // Журнал «Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева», 2012. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-tserkovnoslavyanskoy-i-russkoy-leksiki-v-russkom-literaturnom-yazyke-natsionalnogo-perioda/viewer> (Дата обращения: 06.04.2026)
30. Мельничук В. А. Об одной особенности оценочной динамики церковнославянизмов в русском языке (на примере слова прелесть) / В. А. Мельничук // Журнал «Филологические науки. Вопросы теории и практики», 2017. – С. 114–116. [Электронный ресурс] URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/ob-odnoy-osobennosti-otsenочноy-dinamiki-tserkovnoslavyanizmov-v-russkom-yazyke-na-primere-slova-prelest/viewer> (Дата обращения: 11.05.2026)

31. Мусорин А. Ю. Церковнославянский язык и церковнославянизмы / А. Ю. Мусорин // Наука. Университет. Материалы Первой научной конференции. – Новосибирск, 2000. С. 82-86. [Электронный ресурс] URL: <https://www.philology.ru/linguistics2/musorin-00.htm> (дата обращения: 02.04.2026).

32. Никитин О. В. «Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков» Ф. И. Буслаева как памятник филологической культуры XIX века / О. В. Никитин // Журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета, 2018 С. 82-87. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-hristomatiya-tserkovno-slavyanskogo-i-drevnerusskogo-yazykov-f-i-buslaeva-kak-pamyatnik-filologicheskoy-kultury-xix-veka/viewer> (дата обращения: 11.04.2026).

33. Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова / АН СССР, ИРЛИ; отв. ред. М. П. Алексеев – Л. : Наука, 1971. С. 329-333.

34. Привальская А. О. История функционирования церковнославянского языка / А. О. Привальская // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. – 2021. – С. 39-44. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-funktsionirovaniya-tserkovnoslavyanskogo-yazyka-v-rossii/viewer> (дата обращения: 12.04.2026).

35. Седакова О. А. Церковнославянский язык в русской культуре / О. А. Седакова // Актовая лекция, прочитанная в Свято-Филаретовском институте, 2004. [Электронный ресурс] URL:

09.04.2026)

36. Седакова О.А. Словарь трудных слов из богослужения: церковнославяно-русские паронимы. М., Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2008.

37. Соболевский А. И. История русского литературного языка / А. И. Соболевский // Изд. подгот. А.А. Алексеев. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. 194 с.

38. Супрун В. И., Королева И. А. Церковнославянский язык: учебно-методическое пособие для учащихся духовных школ и училищ / В. И. Супрун, И. А. Королева // Ком. по образованию администрации Волгоградской обл., Волгоградский гос. ин-т повышения квалификации и переподгот. работников образования, Волгоградский фил. Российского фонда культуры. - Изд. 2-е, испр. – Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2008. - 163 с.

39. Толстой Н. И. Церковнославянский и русский: их соотношение и симбиоз / Н. И. Толстой // Журнал «Вопросы языкознания», 2002. № 1 – С. 81 – 90. [Электронный ресурс] URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/25880/1/demprize-2006-10.pdf> (Дата обращения: 17.04.2026)

40. Томачинский В. В. Синтез вместо хаоса «Выбранные места из переписки с друзьями» как стилистическая программа Гоголя/ В.В. Томачинский // Журнал «Проблемы исторической поэзии». – 2001 – С. 252-275. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sintez-vmesto-haosa-vybrannye-mesta-iz-perepiski-s-druzyami-kak-stilisticheskaya-programma-gogolya/viewer> (Дата обращения: 24.05.2026)

41. Томачинский В. В. Традиции богослужебной литературы в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя/ В. В. Томачинский // Журнал «Богослов» – 2024. – С. 139-148. [Электронный

ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-bogoslužebnoy-literatury-v-vybrannyh-mestah-iz-perepiski-s-druzyami-n-v-gogolya/viewer>
(дата обращения: 24.04. 2026).

42. Томачинский В.В. Стилистический синтез Гоголя/ В.В. Томачинский // Журнал «Континент». –2002. – № 114. [Электронный ресурс] URL: <https://magazines.gorky.media/continent/2002/114/stilisticheskij-sintez-gogolya.html> (дата обращения: 26.04.2026)

43. Трапезникова О. А., Рыбникова Е. Е., Шунков А. В. Церковнославянский язык / О. А. Трапезникова, Е. Е. Рыбникова, А. В. Шунков // учеб. пособие для обучающихся по направлениям подготовки вузов культуры / Кемеров. гос. ин-т культуры. – Кемерово: КемГИК, 2020. – С. 5–7.

44. Улуханов И. С. О языке Древней Руси / И. С. Улуханов // АН СССР. – Москва: Наука, 1972. – 135 с.

45. Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI – XIX вв.) / Б. А. Успенский // Язык. Семиотика. Культура. – Москва: «ГНОЗИС», 1994. – С. 15–99.

46. Устинова Л. Ю. Лексическое наполнение жанра русской элегии XVIII - первой трети XIX века / Л. Ю. Устинова // автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.филол.н., спец. 10.02.01; Москва, 2000. – С. 22. [Электронный ресурс] URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_RU_NLR_bibl_792728?page=1&rotate=0&theme=white (Дата обращения: 13.04.2026)

47. Феликсов С. В. К вопросу о сохранении, изучении и популяризации церковнославянского языка /С. В. Феликсов // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2025. № 77., 2010. – С. 66–76. [Электронный ресурс] URL: <https://periodical.pstgu.ru/ru/pdf/article/8770> (Дата обращения: 22.04.2026)

48. Феномен Гоголя Материалы Юбилейной международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя / Под ред. М. Н. Виролайнен и А. А. Карпова. СПб.: Петрополис, 2011. – 854 с.

49. Филкова П. Д. Староболгаризмы и церковнославянизмы в лексике русского литературного языка. Учебный словарь, том первый (А – И) / П. Д. Филкова //Ред: проф. К. Г. Бабов. Софийский университет «Климент Охридски». – София, 1986. – С. 44 – 46.

50. Хабургаев Г. А. Старославянский язык. Учеб. пособие для студентов пед. ин-та по специальности № 2101 «Русский язык и литература». / Г. А. Хабургаев // Москва: «Просвещение», 1974 С. 8-13.

51. Шапир М. И. Теория "церковнославянско-русской диглоссии" и ее сторонники/ М. И. Шапир // Russian Linguistics 13, 1989. С. 271–309. [Электронный ресурс] URL: <https://danefae.org/djvu/diglossia.htm> (Дата обращения: 14.04.2026)